

Исаев Александр Александрович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории
и архивоведения
Дальневосточного федерального университета

**ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
РАБОТА ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ
И ЗАКРЕПЛЕНИЮ
ДЕМОБИЛИЗОВАННЫХ ВОИНОВ
К ЗАСЕЛЕНИЮ ТЕРРИТОРИИ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР
В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. [1]**

Аннотация:

В статье рассматривается политико-идеологическая работа властных структур СССР, направленная на привлечение демобилизованных воинов для переселения на Дальний Восток СССР с целью социально-экономического и военно-политического укрепления региона в начале 1930-х гг. Анализируются причины, основные направления и процесс агитационной и политико-идеологической работы среди демобилизованных красноармейцев. Выявляются успехи и упущения политико-идеологической работы посредством анализа высказываний переселенцев, представителей властных структур и старожилов.

Ключевые слова:

Дальний Восток СССР, демобилизованные красноармейцы, политико-идеологическая работа, переселение, старожилы, красноармейские колхозы, закрепление, агитация, кулаки.

Isaev Alexander Aleksandrovich

PhD in History,
Assistant Professor, Russia's History
and Archival Science Department,
Far Eastern Federal University

**THE POLITICAL
AND IDEOLOGICAL
WORK FOCUSED
ON ENCOURAGEMENT OF
DEMOBILIZED SOLDIERS
TO MOVE TO THE FAR EAST OF
THE USSR IN THE EARLY 1930S [1]**

Summary:

The article discusses the political and ideological work of power structures of the USSR aimed to encourage demobilized soldiers to relocate to the Far East of the USSR for the purpose of socio-economic and military-political consolidation of the region in the early 1930-s. The author analyzes the causes, the main areas and the process of propaganda and political-ideological work among the demobilized Red Army soldiers. The paper considers the achievements and shortcomings of the political-ideological work by studying the statements of immigrants, representatives of power structures, and old-timers.

Keywords:

Far East of the USSR, demobilized Red Army soldiers, political and ideological work, relocation, old-timers, Red Army kolkhoz, binding, agitation, kulak.

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. – переломный период в социально-экономическом развитии СССР. Главной целью политики правительства страны являлось обеспечение социальной, экономической и военной безопасности советского социалистического государства. В связи с этим Дальневосточный регион рассматривался Москвой как стратегически важный, имеющий большое народно-хозяйственное значение и обладающий значительным экономическим потенциалом.

Центральное и региональное руководство страны связывало перспективы развития дальневосточной экономики с завозом рабочих, служащих, крестьян из центральных районов страны, так как недостаток кадров на Дальнем Востоке являлся проблемой развития экономики в большей степени, чем в других территориях государства. Особенно остро стоял вопрос замены иностранной рабочей силы отечественной. С учетом пограничной специфики региона количественный и качественный социально-демографический контроль над Дальневосточным краем (далее – ДВК [2]) носил прежде всего политический характер. Все миграционные процессы, как и экономические, так и социальные, которые проходили на Дальнем Востоке, были строго директивными.

В заселении края особое место занимало начавшееся в 1930 г. оседание демобилизованных красноармейцев, краснофлотцев и служащих погранвойск НКВД, служивших на Дальнем Востоке. Годы службы в этом регионе давали им возможность хорошо ознакомиться с его разнообразными богатствами и перспективами развития. Эта категория поселенцев, прошедшая должную военную и идеологическую подготовку, считалась надежной и необходимой. Тем более что армия и флот являлись на Дальнем Востоке не только боевой, но и большой созидательной силой. Именно в этом была одна из особенностей социальной политики в регионе. Из демобилизованных создавались новые колхозы, которые должны были служить примером развития коллективизации в сельском хозяйстве данной территории. Вместе с тем среди демобилизованных многие имели различные производственные квалификации, что в свою очередь являлось источником некоторого пополнения рабочей силы городов [3, с. 124].

Еще с конца 1920-х гг. на Дальнем Востоке армия была тесно связана с сельским хозяйством. Ее подразделения оказывали активную шефскую помощь колхозам в ремонте сельхозтехники, в посевных и уборочных мероприятиях. Политуправление Особой краснознаменной Дальневосточной армии (далее – ОКДВА) развернуло широкую работу среди воинов, увольняемых в запас, чтобы привлечь их к труду в создаваемых колхозах и к укреплению колхозов существующих. По инициативе политуправления ОКДВА в декабре 1929 г. в Хабаровске состоялось собрание уволенных в запас воинов, на котором присутствовало руководство краевых партийных, советских и хозяйственных организаций. Звучали призывы активно включиться в процесс перестройки дальневосточной деревни, развернуть классовую борьбу с противниками коллективизации и т. д. Выступая от имени демобилизованных красноармейцев, Н. Гавриленко заверил собравшихся: «Мы едем на второй фронт, на фронт жестокой классовой борьбы, здесь мы не будем отдыхать. Мы будем застрельщиками социалистических соревнований, ударниками, такими, какими нас воспитала Красная армия» [4, с. 146–147].

По распоряжению крайкома ВКП(б) среди военнослужащих ОКДВА, флота, погранвойск НКВД проводилась большая политическая и разъяснительная работа. В воинские части направлялись агитаторы из числа местных жителей, представлявших хозяйственный и партийный актив. Они рассказывали военнослужащим о богатствах и перспективах развития Дальнего Востока, о льготах и возможностях для переселенцев и т. д. Для того чтобы заинтересовать родных и близких демобилизованных воинов переехать в ДВК, командование частей направляло им агитационные письма и литературу. Стремясь обеспечить высокие темпы переселения, Второй пленум крайкома ВКП(б) обязал все общественные организации принимать срочные меры по устройству красноармейских переселенческих колхозов, по обеспечению их первоочередным снабжением [5].

В воинских частях для подлежащих мобилизации были открыты курсы по подготовке колхозных работников, на них, как правило, зачислялись те, кто был призван в армию и на флот из сельской местности. Учащиеся получали знания по севообороту, агрокультурным мероприятиям, устройству и ремонту узлов и агрегатов машин и тракторов и т. д. Широкая агитационная кампания сопровождалась периодическим посещением красноармейцами колхозов для предварительного ознакомления с трудовыми и бытовыми условиями жизни в них.

Начало красноармейскому сельскохозяйственному переселению положило Постановление реввоенсовета СССР от 30 января 1930 г. «Об участии Красной армии в колхозном строительстве страны». В нем содержалось указание на необходимость создания красноармейских колхозов на Дальнем Востоке. 1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О льготах для демобилизованных красноармейцев, переселяющихся на Дальний Восток», согласно которому бывшим воинам и членам их семей бесплатно предоставлялся проезд до места вселения, также их снабжали продовольствием и промышленными товарами. Ссуда красноармейским колхозам (по сравнению с остальными) была выше на 15 % [6, с. 69].

Несмотря на прямую заинтересованность в формировании красноармейских колхозов и коммун, многие ответственные местные партийные и советские органы власти формально относились к данному мероприятию. Политико-пропагандистская и организационная работа, которая должна была постоянно проводиться с переселенцами, отсутствовала или была пущена на самотек, что приводило к отказу от переселения. Так, в докладной записке организационного отдела ПУ РККА (Политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии) начальнику ПУ РККА Я.Б. Гамарнику о результатах вербовки и переселения красноармейцев на Дальний Восток в 1931 г. мы находим: «Вербовщики рабочей силы разных предприятий истроек перехватывают красноармейцев-колхозников на свои работы. Не только низовые организации, но, например, в Наркомземе Украины некоторые ответственные работники заявляли: «Зачем нам посылать на Дальний Восток, у нас есть свои пограничные колхозы». Или другой факт: в 18-м артполку 3 инициативных комсомольца сколотили вокруг себя группу красноармейцев в 30 чел. для поездки в колхозы Дальнего Востока. Приехав в Москву (домой) они зашли в ЦК ВЛКСМ, в отделе кадров им сказали: «Зачем едете в колхозы Дальнего Востока? Кузбасс важнее, нате вам путевку на руководящую работу в Кузбасс». Теперь группа разваливается, раз инициаторы не едут – и остальные отказываются» [7, с. 206–207].

Оставлял желать лучшего подбор красноармейцев-переселенцев, проведенный политическими органами в частях. Несмотря на неоднократные указания о недопустимости преувеличения и приукрашивания условий переселения на Дальний Восток, часто наблюдались чрезмерные обещания особых благ для красноармейцев, которых переселенцы при приезде не могли получить. Главным было завербовать как можно больше «желающих», чтобы отчитаться в выполнении плановых показателей по набору. Отсутствие индивидуального подхода к вербовке демобилизованных приводило к тому, что среди них попадались люди, ничего общего не имеющие с сельским

хозяйством, а иногда и провинившиеся красноармейцы, для которых согласие на переселение сопровождалось освобождением от ответственности. Так, в частности, в докладной записке о состоянии организационной партийно-массовой работы в переселенческом красноармейском колхозе им. 30-го Череповецкого полка Гродековского района Приморской области говорится: «...Отмечается большая засоренность коммуны классово-чуждым элементом, кулаками и подкулачниками. Они были завербованы и доставлены в коммуну под видом близких родственников красноармейцев. Бюро партячейки красноармейского колхоза им. 30-го Череповецкого полка на заседании от 02.01.1932 г. отмечало, что с эшелонам прибыла группа с явно рваческими настроениями, часть из них с уголовным прошлым, навербовано не из семей красноармейцев» [8, л. 40].

Строительство красноармейских переселенческих колхозов в большинстве случаев было пущено на самотек, проходило без повседневного руководства со стороны районных партийных и советских организаций. Партийная прослойка в колхозах была очень малочисленна, что отрицательно сказывалось на ходе колхозного строительства. Среди переселенцев, которые прибыли вместе с демобилизованными красноармейцами, был значительный процент кулаков, в особенности приехавших с Украины и Северного Кавказа. Именно они, играя на материально-бытовых трудностях в отсутствие партийно-массовой разъяснительной работы, проводили среди красноармейцев агитацию за уход из колхоза и обратничество. Вместе с тем в колхозах также отмечались безответственность, разгильдяйство, неприкрытые хищения и т. д. [9, л. 236–237].

Массово-политическая работа в красноармейских коммунах и среди рабочих, занятых на строительствах, почти отсутствовала. Зачастую партийные ячейки и правления коммун в целях обеспечения ударных мероприятий или же в борьбе с нездоровыми настроениями у части коммунаров подменяли массовую работу администрированием. Отсутствие политической и массово-разъяснительной работы при чрезвычайно плохом снабжении промтоварами и продовольствием, при расшатанной трудовой дисциплине и плохой организации труда приводило к росту недовольства у многих коммунаров. Так, коммунаров тов. Черноусый (коммуна «Пограничник», Покровский район Приморской области), обращаясь к приехавшему уполномоченному по переселению тов. Сологубу, спрашивал: «Почему до сих пор не отпущено кредита на обмундирование? Красноармейцы раздеты, что принесли из армии – износили, нет ничего удивительного, что красноармейцы против своей воли вынуждены будут дезертировать из коммуны». Коммунар тов. Пульковский говорил: «Находясь в армии, видел плакаты и фотоснимки и читал газету, в которой описывалось положение коммуны, и когда все это смотрел, то думал, что в коммуне не житье, а рай, но на месте совсем другое. Нас обманули» [10, с. 756–757].

Красноармейцы-переселенцы вследствие отсутствия приспособленных для проживания помещений размещались по домам, изъятым у кулаков, по всему селу на значительном расстоянии друг от друга. При таких условиях хозяйственное, культурно-бытовое и пропагандистское обслуживание еще больше ухудшалось. Пользуясь отсутствием политико-пропагандистской работы и разобщенностью среди коммунаров, кулаки и подкулачники входили в их доверие и распространяли всевозможные слухи о частых неурожаях, стихийных бедствиях и тяжелых условиях ведения сельского хозяйства на Дальнем Востоке, и это порождало настроения к уходу на производство или в колхозы, где были более благоприятные условия труда и быта [11, л. 41].

Партийные ячейки переселенческих красноармейских колхозов не мобилизовали работников на преодоление социально-бытовых трудностей, не давали отпора старым кулацким настроениям и не боролись с текучестью в колхозах и коммунах. Нередко коммунисты своим примером показывали, как надо «работать» и уходить из колхоза. Так, только «с 1931 по 1932 г. из коммуны колхоза им. 30-го Череповецкого полка дезертировало 36 коммунистов и до 20 человек разошлись по различным партийным и хозяйственным районным организациям и учреждениям. Из 21 партийца только 4 на производстве, тогда как остальные работают по различным конторам. Есть отдельные случаи невыходов на работу членов ВКП(б) и комсомольцев. Имеют место выступления отдельных коммунистов против хлебозаготовок, так как планы хлебосдачи, по их мнению, нереально завышены. Политический уровень коммунаров крайне слаб из-за отсутствия партийно-просветительской и политико-идеологической работы. Авангардной роли комсомольцев и коммунистов в ударничестве не чувствуется» [12, л. 42, 55].

В материалах проверки состояния партийно-массовой работы переселенческих красноармейских колхозов им. Буденного, им. 3-го полка связи, им. 14-й кавдивизии, им. 30-го Череповецкого полка от 05.04.1933 мы находим что, «культурно-воспитательная и политическая работа среди колхозников отсутствует. Нет ни клуба, ни красного уголка, библиотеки, читальни и даже мест, где можно проводить общие собрания. Партийно-просветительская работа отсутствует. Есть передвижной киноаппарат, но из-за отсутствия кинофильмов последний бездействует...» [13, л. 51–52].

Следует отметить, что в результате указанных выше недочетов в части отсутствия должной политико-идеологической массово-разъяснительной работы, а также в связи с агитацией антисоветского элемента фиксировалось массовое недовольство красноармейцев своим положением в переселенческих колхозах. Местные органы власти недооценивали значение политико-идеологической работы среди переселенцев, считая ее малоэффективной.

Таким образом, самоустранение местных партийных и советских органов от реализации политико-идеологических задач государства в деле укрепления колхозного строя, налаживания контактов между старожилами и переселенцами, мобилизации у трудовых резервов чувства долга, желания приложить свои силы для развития народного хозяйства Дальневосточного региона значительно осложняло и замедляло построение красноармейских переселенческих колхозов и коммун. Однако возникавшие трудности не останавливали государственные органы в проведении настойчивой политики переселения, которое, по их мнению, способствовало не только росту численности жителей региона, но и военно-оборонному укреплению восточных рубежей страны, поскольку создавало значительный резерв для армии и флота.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при поддержке ДВФУ, проект № 14–08–05–2_и.
2. Дальневосточный край (ДВК) – административно-территориальное образование на территории СССР с 1934 по 1938 г. В его состав входили области: Приморская, Уссурийская, Хабаровская, Еврейская Автономная, Амурская, Нижнеамурская, Зейская, Камчатская, Магаданская, Сахалинская.
3. Пермякова О.П. Деятельность Приморской краевой партийной организации по заселению края в предвоенные годы (1938–1941 гг.) // Ученые записки. Т. 7. Ч. 1. Владивосток, 1965. С. 124–133.
4. Песков В.М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века. Хабаровск, 2000. 348 с.
5. Тихоокеанская звезда. 1930. 5 окт.
6. Вологодина Е.С. Сельскохозяйственные переселения на российский Дальний Восток в 30-х годах XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 68–73.
7. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 65. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. / Т. 3. Конец 1930–1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2001. 1008 с.
8. ГАПК (Государственный архив Приморского края). Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 40.
9. Там же. Д. 157. Л. 236–237
10. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2003. 864 с.
11. ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 41.
12. Там же. Л. 42, 55.
13. Там же. Л. 51–52.

References and notes:

1. The study was supported by the Far Eastern Federal University, the project number 14-08-05-2_i.
2. Far East Region – administrative and territorial entity on the territory of the USSR from 1934 to 1938. It consisted of areas: Primorye, Ussuri, Khabarovsk and Jewish Autonomous, Amur, Zeya, Kamchatka, Magadan, Sakhalin.
3. Permyakova, OP 1965, 'The activities of the Party organization Primorye Territory in the occupancy of the pre-war years (1938-1941)', *Scientific notes*, vol. 7, part 1, Vladivostok, p. 124-133.
4. Peskov, VM 2000, *The military policy of the USSR in the Far East in the 30-ies of XX century*, Khabarovsk, 348 p.
5. *Pacific Star* 1930. 5 October.
6. Vologdina, ES 2009, 'Agricultural resettlement to the Russian Far East in the 30-ies of XX century', *Herald of Chelyabinsk State University*, no. 10 (191), History, vol. 39, p. 68-73.
7. *The tragedy of the Soviet countryside. Collectivization and dispossession* 2001, vol. 65, 1927-1939: Documents and Materials in 5 vols., vol. 3, end 1930-1933, Moscow, 1008 p.
8. SAPK (State Archive of Primorsky Krai), f. 1, op. 1, d. 88, l. 40.
9. SAPK (State Archive of Primorsky Krai), f. 1, op. 1, d. 157, l. 236-237
10. *Soviet countryside VChK - OGPU - NKVD. 1918-1939. Documents and materials* 2003, in 4 vols., vol. 3, 1930-1934, book 1 1930-1931, Moscow, 864 p.
11. SAPK (State Archive of Primorsky Krai), f. 1, op. 1, d. 88, l. 41.
12. SAPK (State Archive of Primorsky Krai), f. 1, op. 1, d. 88, l. 42, 55.
13. SAPK (State Archive of Primorsky Krai), f. 1, op. 1, d. 88, l. 51-52.